

**Пишем сочинения по
лирике**

Ф. М. Тютчев

**Пишем сочинения
по лирике Ф.И. Тютчева**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Грамотей

Ф.И. Тютчева принято называть «певцом природы».

Это был тончайший мастер стихотворных пейзажей. Образ природы вызывал у него размышления о загадках мироздания, о вечных вопросах человеческого бытия.

Идея торжества природы и человека пронзает всю лирику Тютчева: для него природа – такое же одушевленное, разумное существо, как и человек.

Поэтому нет смысла разбивать критические статьи о Тютчеве на разделы. В любой из них найдется достаточно материала для вступительной, основной и заключительной части вашего сочинения.

...Что особенно пленяет в поэзии Тютчева, — это ее необыкновенная грация, не только внешняя, но еще более внутренняя.

И.С. Аксаков

В продолжение своей долголетней жизни Тютчев написал около ста стихотворений. Все стихотворения его относятся к области лирики. Характерной особенностью его поэзии является преобладание в ней мысли, но мысль Тютчева никогда не является в отвлеченном виде, а всегда воплощается в образе, взятом из мира души или природы.

Очень много внимания Тютчев уделяет изображению природы. Он горячо любит ее, прекрасно понимает, ему доступны самые тонкие, неупловимые черты и оттенки ее. Возьмем, например, стихотворение «Осень».

*Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора:
Весь день стоит, как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...
Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто все — простор везде;
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде...*

«Здесь нельзя уже ничего прибавить, — замечает И. Аксаков: — всякая новая черта была бы излишня. Достаточно одного этого «тонкого волоса паутины», чтобы одним этим признаком воскресить в памяти читателя былое ощущение подобных осенних дней во всей его полноте».

Одним из лучших произведений Тютчева является также стихотворение «Весенние воды».

<i>Еще в полях белеет снег, А воды уж весной шумят Бегут и будят сонный брег, Бегут и блещут, и гласят. Они гласят во все концы: «Весна идет, весна идет!</i>	<i>Мы молодой весны гонцы. Она нас выслала вперед; Весна идет, весна идет! И тихих, теплых майских дней Румяный, светлый хоровод Толпится весело за ней.</i>
---	--

При чтении этого стихотворения становится весело и легко на душе: воображение рисует только что показавшуюся зеленую травку и распускающееся дерево, и мутные потоки, и аромат майского вечера.

К числу прекрасных стихотворений Тютчева относится также следующее:

<i>Люблю грозу в начале мая, Когда весенний первый гром,</i>	<i>Как бы резвяся и играя, Грохочет в небе голубом.</i>
--	---

*Гремят раскаты молодые!
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит,*

*С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной, и шум нагорный, —
Все вторит весело громам.*

Изображая картины природы, Тютчев верил, что вся природа одухотворена, исполнена таинственной жизни. По его мнению, природа — не бездушный механизм:

*Не то, что мните вы, природа — В ней есть душа, в ней есть свобода,
Не слепок, не бездушный лик: В ней есть любовь, в ней есть язык.*

Между природой и человеком, по мнению поэта, существует тесная связь, хотя не все ее одинаково ясно сознают. Тютчев старался проникнуть в самую глубь существа природы, постичь ее таинственную основу. Эта основа представлялась поэту в виде безграничного, дикого хаоса. Весь внешний мир, стройный и прекрасный «космос», представляет собою лишь «златотканый покров», наброшенный на таинственную пропасть. Днем этот золотой покров прельщает взор человека, но настанет ночь, и тогда хаотические силы выступают особенно ясно и страшат человека:

*И бездна нам обнажена И нет преград меж ей и нами:
С своими страхами и мглами, Вот от чего нам ночь страшна!*

Хаос, зияющая бездна всякого безумия и безобразия, постоянно дает знать о себе мятежными движениями и порывами. «Это присутствие хаотического, иррационального начала в глубине бытия, — замечает философ Владимир Соловьев, — сообщает различным явлениям природы ту свободу и силу, без которых не было бы и самой жизни и красоты. Жизнь и красота в природе — это борьба и торжество света над тьмою, но этим необходимо предполагается, что тьма есть действительная сила. И для красоты вовсе не нужно, чтобы темная сила была уничтожена в торжестве мировой гармонии: достаточно, чтобы светлое начало овладело ею, подчинило ее себе, до известной степени воплотилось в ней, ограничивая, но не упраздняя ее свободу и противоборство. Так, безбрежное море в своем бурном волнении прекрасно, как проявление и образ мятежной жизни, гигантского порыва стихийных сил, введенных, однако, в незабываемые пределы, не могущих расторгнуть общей связи мироздания и нарушить его строя, а только наполняющих его движением, блеском и громом:

*Как хорошо ты, о, море ночное, В лунном сиянии, словно живое,
Здесь лучезарно, там сизо черно! Ходит, и дышит, и блещет оно.*

Хаос, т.е. само безобразие, есть необходимый фон всякой земной красоты, и эстетическое значение таких явлений, как бурное море или ночная гроза, зависит именно от того, что под ними хаос шевелится».

Хаотическое начало играет роль не только в жизни природы: оно раскрывается и в душе человека. Голос разума и совести часто заглушается волнением страстей. Это торжество страстей вносит разлад во внутренний мир человека, становится для него самого и для окружающих источником тяжелых страданий:

*О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей*

*Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!*

Единственным исходом из порочной жизни является духовный подвиг, стремление к совершенству под водительством Христа:

*Пусть страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые, —*

*Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.*

Подобно тому, как в природе Тютчев признавал живую душу, так и в человечестве он отыскивал живую душу и видел ее в России. По мнению его, Россия является по преимуществу христианским царством, и поэтому она призвана обновить и внешним образом объединить все человечество. Россия сделается великой христианской монархией. Одно время условием для этого великого события Тютчев считал соединение Восточной церкви с Западной чрез соглашение русского царя с папой. Но потом он отказался от этой мысли, находя, что папство несоместимо с свободой совести. Тютчев полагал, что Россия превратится во всемирную монархию, простирающуюся, по крайней мере, до Нила и до Ганга, со столицей в Цареграде. Единство этой великой монархии будет поддерживаться не силой, а любовью. Любовь поэта к русскому народу с особенной силой высказывается в следующем стихотворении:

*Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!
Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,*

*Что сквозит и тайно светит
В высоте твоей смиренной.
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь небесный
Исходил, благословляя.*

И. Глебов

Федор Иванович Тютчев — один из замечательнейших русских поэтов, несмотря на то, что за свою долгую жизнь он написал очень немного. Талант его исключительно лирического характера; эпический и драматический элемент вовсе отсутствует в его творчестве. Особенностью его поэзии является преобладание в ней мысли, вследствие чего Тютчева можно назвать поэтом-мыслителем. Но мысль, идея никогда не выступает у Тютчева в своем голом, отвлеченном виде, но всегда

выражена в форме живых художественных образов, благодаря чему она получает особенную силу и выразительность.

Очень много стихотворений Тютчева посвящено природе. Тютчев был наделен чрезвычайно тонким и живым чувством природы, которое поэтому и служило чаще всего источником его поэтического вдохновения. Но это непосредственное и глубокое чувство природы обыкновенно тесно переплетается в его стихотворениях с некоторыми философскими, метафизическими представлениями. Природа, в глазах Тютчева, является единым, цельным, живым организмом; оттого в его стихотворениях она всегда представляется одухотворенной, исполненной таинственной жизни. Возражая против взгляда на природу, как на бездушный механизм, он говорит в одном из наиболее известных своих стихотворений:

*Не то, что мните вы, природа —
Не слепок, не бездушный лик:
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык.*

Между природой и человеком, по мнению поэта, существует непосредственная органическая связь, хотя не все ее одинаково ясно знают. Есть люди, для которых природа мертва и непонятна; о них поэт говорит с сожалением:

*Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьмах,
Для них и солнца, зная, не дышат,
И жизни нет в морских волнах.
Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,
При них леса не говорили,
И ночь в звездах нема была.*

*И, голосами неземными
Волнуя реки и леса,
В ночи не совещалась с ними
В беседе дружеской гроза!
Не их вина: пойми, коль может,
Органа жизнь глухонемой!
Увы, души в нем не встревожит
И голос матери самой!*

Благодаря этому чувству своей близкой, органической связи с природой — матерью и благодаря свойственной ему тонкой наблюдательности Тютчев с замечательным искусством умел изображать ее жизнь. При этом его изображения природы отличаются полной простотой и правдивостью, чужды всякого ложного пафоса. Он умел в каждом явлении действительности подмечать такие черты и подробности, которые придавали его изображению особенную жизненность и наглядность. Эта особенность его творчества ярко выступает в таких стихотворениях, как «Весенняя гроза» («Люблю грозу в начале мая...»), «Есть в осени первоначальной», «Как неожиданно и ярко»... и др.

Прекрасным примером такого живого и поэтического изображения явлений природы может послужить следующее стихотворение:

<i>Как весел грохот летних бурь, Когда, взметая прах летучий, Гроза, нахлынувшая тучей, Смутит небесную лазурь И опрометчиво-безумно Вдруг на дубраву набежит — И вся дубрава задрожит Широколиственно и шумно!</i>	<i>Как под незримую пятой, Лесные гнутся исполины, Тревожно ропщут их вершины, Как совещаясь меж собой, — И сквозь внезапную тревогу Немолчно слышен птичий свист, И кой-где первый желтый лист, Крутясь, слетает на дорогу...</i>
---	--

Наряду с художественной наблюдательностью, выражающейся в умении немногими, но меткими и верными чертами изобразить живую и яркую картину, Тютчев отличался также и способностью уловить и передать в своих стихах то настроение, которое различные явления и состояния природы вызывают в душе человека. Примером такой тонкой передачи настроения могут послужить стихотворения: «Сумерки», «Полдень», «Еще земли печален вид», «Осенний вечер» и др.

Но изображая с таким искусством жизнь природы, Тютчев не останавливался только на ее внешних проявлениях, — он старался пытливым взором поэта-мыслителя проникнуть в самую глубь ее существа, постичь ее таинственную основу. В минуты поэтического прозрения перед его взором открывалась эта изначальная основа мироздания, которая представлялась его воображению в виде безграничного, дикого хаоса, «бездны безымянной». По отношению к этой основе мировой жизни весь внешний мир, стройный и прекрасный «космос», представляет собой лишь «златотканый покров», брошенный на таинственную пропасть («День и ночь», «Святая ночь на небосклон взошла»). Днем этот золотой покров прельщает взор человека своими яркими красками, но настает ночь —

<i>...и с мира рокового Ткань благодатную покрова Собрав, отбрасывает прочь... И бездна нам обнажена</i>	<i>С своими страхами и мглами, И нет преград меж ей и нами: Вот отчего нам ночь страшна!</i>
--	--

Но при некоторых условиях таинственные силы, лежащие в основе мироздания, обнаруживаются с особенной ясностью. Это бывает, например, в томительные «воробьиные» ночи, когда вся природа, уставшая от дневного зноя, погружена в вялый, безотрадный сон, повсюду царит угрюмая тишина и мрак, — и только в небесах, нависших тяжелым сводом —

<i>Одни зарницы огневые, Воспламеняясь чередой,</i>	<i>Как демоны глухонемые Ведут беседу меж собой...</i>
---	--

Еще сильнее эта темная, хаотическая основа мировой жизни чувствуется в моменты, когда разыграются на просторе дикие, стихийные силы, например, в глухую бурную ночь, когда человеческую душу охватывает невольная и смутная тревога, и человеку кажется, что и в его душе просыпаются какие-то неясные, мучительные и дикие чувства, под которыми «хаос шевелится». С тревожным недоумением и невольным страхом останавливается поэт перед вопросом о тайном сродстве между темными космическими силами и миром человеческой души:

*О чем ты воешь, ветер ночной,
О чем так сетуешь безумно?
Что значит странный голос твой,
То глухо-жалобный, то шумный?
Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке,
И ноешь, и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки?*

*О, страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимый!
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвется он груди
И с беспредельным жаждет слиться...
О, бурь заснувших не буди:
Под ними хаос шевелится!..*

Подобно тому как в жизни природы ее хаотическая основа обнаруживается особенно ясно при известных условиях, точно так же темные силы человеческой души проявляются преимущественно в моменты, когда разыгравшиеся страсти заглушают голос разума и совести, и человек утрачивает власть над собою. Это торжество страстей вносит разлад во внутренний мир человека, становится для него самого и для окружающих источником тяжелых страданий («Предопределение», «Итальянская вилла», «О, как убийственно мы любим...»). Игра страстей и эгоизм человеческой личности составляют основную причину всего зла в жизни людей, заставляющего их проливать потоки слез.

*Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой, —
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистошимые, неисчислимые, —
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую, порою ночной.*

Яснее, чем кто-либо из русских поэтов, Тютчев сознавал темную, трагическую сторону жизни, открывавшуюся его пронизательному взору, как во внешнем мире природы, так и во внутреннем мире души человеческой. Но, несмотря на это, Тютчев глубоко любил жизнь, во всех ее проявлениях, с ее красотой и разнообразием. «Нет, моего к тебе пристрастия я скрыть не в силах, мать-земля!» — говорит он в одном стихотворении. Эта любовь к жизни удерживала его от пессимизма. С другой стороны, сильной нравствен-

ной поддержкой являлось для него религиозное чувство, подсказывавшее ему верный выход из мучительных сомнений и внутреннего разлада.

*О, вещая душа моя,
О, сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..
Так, ты жилище двух миров:
Твой день — болезненный и страстный,
Твой сон — пророчески-неясный,
Как откровение духов...
Пускай страдальческую грудь
Волнуют отрости роковые, —
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.*

В стихотворениях «Весна», «Смотри, как на речном просторе» с особенной силой выражена мысль о ничтожности человеческой жизни и дел сравнительно с могучей жизнью природы. К числу наиболее глубоких по мысли стихотворений Тютчева принадлежит также «Silentium», в котором поэт говорит о роковом бессилии слова выразить вполне точно (адекватно) живую мысль и чувство, со всеми их индивидуальными оттенками. Из этого грустного сознания вытекает и совет, обращенный к самому себе — оставить бесплодные попытки поведать другим о своей внутренней жизни, совет — замкнуться в самом себе.

*Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои —
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне,
Безмолвно, как звезды в ночи, —
Любуйся ими — и молчи.
Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?*

*Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими — и молчи.
Лишь жить в самом себе умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, —
Внимай их пенью — и молчи!..*

По своим политическим и историческим взглядам Тютчев близко примыкал к славянофилам, хотя его мирозерцание сложилось вполне самостоятельно. Свои симпатии к славянству он выразил в целом ряде стихотворений: «К Ганке», «Рассвет», «Славянам» и др. Подобно другим славянофилам, Тютчев был проникнут глубокой верой в нравственные силы русского народа и в великую миссию, предстоящую ему. С особенной силой эта почти мистическая вера сказалась на известных стихах:

*Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!
Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,*

*Что сквозит и тайно светит
В нагоде твоей смиренной.
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде, Царь Небесный
Исходил, благословляя.*

В. Саводник

Федор Иванович Тютчев родился в 1803 году в богатой и старинной дворянской семье. Все детство он провел в Москве и центральных русских губерниях, но и здесь, в сердце России, родители, согласно обычаям того времени, сумели дать ему воспитание совершенно французское. Только уже когда ему минуло 10 лет, к нему был допущен в качестве воспитателя трудолюбивый переводчик на русский язык «Освобожденного Иерусалима» и «Неистового Роланда» — С.Е. Раич. По окончании домашнего образования, которое сообщило будущему поэту твердое знание древних языков и воспитало его вкус на произведениях классиков, Ф.И. Тютчев стал посещать лекции в Московском университете.

Окончив университетский курс почти восемнадцатилетним юношей, Федор Иванович вскоре уехал за границу, где и прожил 22 года, посещая родину лишь наездами. Сперва он служил при дипломатической миссии в Мюнхене, потом был старшим секретарем посольства в Турине. Здесь за неосторожную своевольную отлучку он был уволен со службы. До 1844 г. он продолжал жить в Мюнхене. Вернувшись в Россию, он получил полное прощение за свой неосторожный поступок, и скоро был утвержден в звании председателя комитета иностранной цензуры. Это место Федор Иванович сохранял до самой своей кончины. Умер поэт 15 июля 1873 г. в Царском Селе, погребен в Санкт-Петербурге, в Новодевичьем монастыре.

Лучшие годы поэта протекли за границей, там он и женился на иностранке. Этим, конечно, и объясняется его любовь к загранице, любовь, отзвуки которой мы находим в целом ряде его задушевных лирических произведений. Наибольшею яркостью в этом отношении отличается его стихотворение 1859 года: «На возвратном пути» [Из Кенигсберга в Петербург]:

*Родной ландшафт под дымчатым навесом
Огромной тучи снеговой;
Синеет даль с ее угрюмым лесом,
Окутанным осенней мглой!
Все голо так и пусто, необъятно,
В однообразии немом,
Местами лишь просвечивают пятна*

*Стоячих вод, покрытых первым льдом.
Ни звуков здесь, ни красок, ни движения:
Жизнь отошла и, покорясь судьбе,
В каком-то забытии изнеможенья
Здесь человек лишь снится сам себе.
Как свет дневной, его тускнеют взоры;
Не верит он, хоть видел их вчера,
Что есть края, где радужные горы
В лазурные глядятся озера...*

Но если западная очаровательная природа и манила к себе поэта, то все-таки в душе своей он бесспорно оставался русским, любящим даже и бедную природу своей родины, умевшим находить даже в нашей северной осени светлые поэтические черты и благоговевшим перед высоким назначением своей матери России.

Вот, например, два прелестных стихотворения, рисующих русский осенний ландшафт:

*Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора:
Весь день стоит как бы хрустальный
И лучезарны вечера.
Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто все, простор везде;
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.
Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле... (1857)*

*Осенней позднью порою
Люблю я Царскосельский сад,
Когда он тихой полумглою,
Как бы дремотою, объят.
И белокрылые виденья,
На тусклом озера стекле,
Безгласны, тихи, без движенья
Белеют в этой полумгле.*

*И на широкие ступени
Екатерининских дворцов
Ложатся сумрачные тени
Октябрьских ранних вечеров,
И в тайне сумрака немого
Лишь слабо светит под звездой,
Как отблеск славного былого,
Пустынный купол золотой. (1858)*

Многое у нас в России представлялось при сравнении ее с Западом несовершенным, отсталым, но поэт знал и понимал те мощные силы, которые его дорогая родина таила в своей груди, и свято верил в ее будущую силу и могущество:

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:*

*У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.*
(1866)

Поэт твердо верил, что настанет время, и его родная Русь соберет воедино все славянские племена, соберет их не силою оружия, а великой мощной силой любви:

*Из переполненной Господним гневом чаши
Кровь льется через край, и запад тонет в ней.
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши, —
Славянский мир, сомкнись тесней...
«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью»...
Но мы попробуем спаять его любовью,
А там увидим, что прочней... (1866).*

Перед этой грозной силой не устоят турки, и Константинополь будет центром, столицей великого Славянского государства, во главе которого встанет могучая Русь.

*Не верь в святую Русь кто хочет,
Лишь верь она себе самой —
И бог победы не отсрочит
В угоду трусости людской.
То, что обещано судьбами
Уж в колыбели было ей,
Что ей завещано веками
И верой в всех ее царей;*

*То, что Олеговы дружины
Ходили добывать мечом,
То, что орел Екатерины
Уж прикрывал своим крылом,
Венца и скипетра Византии
Вам не удастся нас лишить!
Всемирную судьбу России,
Нет, вам ее не запрудить!.. (1850)*

Этот светлый, радостный тон веры и предчувствия великого будущего России является господствующей чертой лирики Тютчева. Однако не следует думать, что поэта, при всем высоком строе его чувств и воззрений, не посещали минуты скорбного разочарования в людях и во всем окружающем. Такие минуты бывали, и памятником их остается не одно стихотворение Тютчева. Приведем некоторые из них, наиболее характерные:

*Какое дикое ущелье!
Ко мне навстречу ключ бежит:
Он в дол спешит на новоселье,
Я лезу вверх, где ель стоит.*

*Вот взобрался я на вершину,
Сижу здесь радостен и тих...
Ты к людям, ключ, спешишь в долину,
Попробуй, каково у них!*

*Как дымный столб светлеет в вышине,
Как тень внизу скользит неуловимо!
«Вот наша жизнь, — промолвила ты мне, —
Не светлый дым, блестящий при луне,
А эта тень, бегущая от дыма».*

Но такое грустное душенастроение поэта быстро сменялось в нем душевною бодростью и свежим отрадным чувством:

*Когда в кругу убийственных забот
Нам все мерзит, и жизнь, как камней гряда,
Лежит на нас, — вдруг, знает Бог откуда,
Нам на душу отрадное дохнет,
Минувшим нас обвеет и обнимет
И страшный груз минутно приподнимет...*

Эти минуты душевной бодрости и силы и были минутами поэтического вдохновения, они чаще всего посещали поэта ночью, когда с особенною мощью просыпались его творческие силы:

*Есть некий час в ночи всемирного молчания,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мироздания
Открыто катится в святилище небес.
Тогда густеет ночь, как хаос на водах;
Беспамятство, как Атлас, давит сушу;
Лишь Музы девственную душу
В пророческих тревожат боги снах.*

Тогда поэт начинает понимать скрытый глубокий смысл мироздания, проникает в таинственное «святое святых» природы:

*Как сладко дремлет сад темно-зеленый,
Объятый негой ночи голубой;
Сквозь яблони, цветами убеленной,
Как сладко светит месяц золотой!
Таинственно, как в первый день создания,
В бездонном небе звездный сонм горит;
Музыки дальней слышны восклицанья,
Соседний ключ слышнее говорит.
На мир дневной спустилася завеса;
Изнемогло движенье, труд уснул;
Над спящим градом, как в вершинах леса,
Пронесся чудный, еженочный гул...
Откуда он, сей гул непостижимый?
Иль смертных дум, освобожденных сном,
Мир бестелесный, слышный, но незримый,
Теперь роится в хаосе ночном?..*

Эти минуты вдохновения — минуты творчества поэта, минуты его владычества над миром:

*Ты знал его в кругу большого света:
То своенравно весел, то угрюм,
Рассеян, дик иль полон тайных дум,*

*Таков поэт — и ты презрел поэта!
На месяц взглянь: весь день, как облак тощий,
Он в небесах едва не изнемог:
Настала ночь, и светозарный бог,
Сияет он над усыпленной рощей.*

О могучей силе поэта Тютчев говорит и в другом своем стихотворении:

<i>Не верь, не верь поэту, дева; Его своим ты не зови — И пуще пламенного гнева Страшись поэтовой любви! Его ты сердца не усвоишь Своей младенческой душой; Огня палящего не скроешь Под легкой девственной фатой. Поэт всесилен, как стихия, Не властен лишь в себе самом;</i>	<i>Невольню кудри молодые Он обожжет своим венцом. Вотще поносит или хвалит Его бессмысленный народ... Он не змеею сердце жалит, Он, как пчела, его сосет. Твоей святыни не нарушит Поэта чистая рука, Но ненароком жизнь задушит Иль унесет за облака.</i>
---	---

Так высоко понимал Тютчев силу поэта, могущество вдохновенного поэтического творчества, так бодро и возвышенно смотрел он на жизнь, потому и главным отличительным признаком его произведений является выражение возвышенных стремлений поэта к идеалу, к небу.

Наиболее характерными в этом отношении являются два стихотворения:

<i>С поляны коршун поднялся, Высоко к небу он взвился; Все выше, дале вьется он, И вот ушел за небосклон.</i>	<i>Природа-мать ему дала Два мощных, два живых крыла — А я здесь в поте и в пыли, Я царь земли, прирос к земле!..</i>
---	---

Фонтан

<i>Смотри, как облаком живым Фонтан сияющий клубится; Как пламенеет, как дробится Его на солнце влажный дым. Лучом поднявшись к небу, он Коснулся высоты заветной — И снова пылью огнецветной Ниспасть на землю осужден.</i>	<i>О смертной мысли водомет, О водомет неистоцимый! Какой закон непостижимый Тебя стремится, тебя мятет? Как жадно к небу рвешься ты!.. Но длань незримо-роковая, Твой луч упорный преломляя, Свергает в брызгах с высоты.</i>
--	--

М. Быстров

Федор Иванович Тютчев — поэт исключительно лирический.